

Ркаил ЗАЙДУЛЛА,
председатель Союза писателей Республики Татарстан

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЕБ

Эссе

ПОДВИЖНИК ДУХА

Деятельность Мурата Ауэзова – видного казахского ученого, литератора, государственного и общественного деятеля – не укладывается в обозначенные рамки. Он был широкомасштабной личностью с невероятно широким кругозором и многими сферами приложения своих знаний и опыта. Наверно, не случайно в публикациях, посвященных ему, среди прочих встречается и термин из немецкого языка – «культуртрегер». Иначе говоря, это носитель культуры и ее популяризатор. Если воспринимать это слово в его прямом значении, то оно, казалось бы, вполне подходит к характеристике Мурата-ака, однако, по моему мнению, это слово не совсем раскрывает масштаб его личности и значение для тюркских народов. Поэтому на своем татарском языке я бы назвал его «рухи эйдэман» – подвижник духа.

Впервые мы встретились с ним в 1998 году на очередной конференции международного ПЕН-клуба, состоявшейся в Хельсинки. Помнится, он говорил тогда о миссии литературы в масштабах всего мира, о проблемах, возникающих в условиях глобализации. Думаю, что его выступление запомнилось многим. С точки зрения эрудиции, умения выражать мысли он отличался от многих известных писателей. И вот спустя многие годы мы снова встретились с ним в Казани. Он прибыл сюда, чтобы презентовать книгу Мухтара Ауэзова, вышедшую на татарском языке. Во время дружеской беседы за праздничным столом он попросил: «Почитайте какое-нибудь стихотворение Тукая». Мне давно не приходилось видеть человека, который бы с таким наслаждением, самозабвенно слушал Тукая. «В детстве мама часто читала мне по памяти стихи Тукая», – сказал он, вытирая повлажневшие глаза.

Разумеется, человека, понимающего поэзию, не может не задеть стихотворение Тукая «Разбитая надежда», насквозь пропитанное слезами поэта и апеллирующего к самым тонким струнам души. И сейчас, видимо, Мурат-ака переполнился чувствами, вспомнив свое детство, драгоценные мгновения, прожитые рядом с матерью и отцом. О том, что его мать – Фатима Габитова – татарка, я уже слышал из его собственных уст в Хельсинки. Это известие несколько не удивило меня, поскольку в среде казахской интеллигенции это было обычным делом вплоть до середины двадцатого века. Однако Фатима-ханум занимает особое место в казахской культуре, поскольку волею судьбы этой женщине было суждено стать супругой трех великих казахов. Ладно бы толь-

ко это, но ведь и ее дети стали видными личностями в казахской культуре, в казахском мире в целом. Ее первый муж – Билял Сулеев и второй – Ильяс Жансугуров были репрессированы, так что, говоря термином того времени, Фатима стала женой «врага народа» дважды. В эти тяжелые дни Мухтар Ауэзов, друживший и с Билялом, и с Ильясом, постарался стать опорой для несчастной Фатимы. Постепенно их отношения стали более близкими, между ними вспыхнули чувства. Для каждого из них это была последняя любовь...

Судьба!

Фатима-ханум вполне могла бы стать героиней увлекательного романа, возможно, в будущем этот роман и будет написан, и читатель в очередной раз удостоверится, что взаимоотношения и родовые связи татарского и казахского народов тесно переплетены. Мы – близкие родственники, связанные не только духовными связями, но и кровными узами.

Не зря говорят: «Яблоко от яблони недалеко падает». В формировании мировоззрения Мурата-ака влияние его отца – Мухтара Ауэзова, разумеется, огромно. Великий казахский писатель Мухтар Ауэзов хорошо знал общетюркскую историю. Из воспоминаний современников становится ясно, что он был знаком с татарской литературой, и это сквозит в его произведениях. Можно привести много примеров его доброжелательного отношения к татарским писателям. Хотелось бы упомянуть здесь воспоминания народного поэта Башкортостана, татарина по происхождению Мустая Карима. В 1957 году Союз писателей СССР выдвинул «Моабитскую тетрадь» Мусы Джалиля на Ленинскую премию. Мустай Карим, бывший тогда членом комиссии по присуждению премии, писал впоследствии, что самые теплые и самые нужные слова о Мусе Джалиле и его творчестве тогда сказал именно Мухтар Ауэзов. Возможно, Мухтар-ага руководствовался, в том числе, и своими впечатлениями от общения с Мусой Джалилем в годы своей жизни в Оренбурге.

Если посмотреть на библиотеку, хранящуюся в Доме-музее Мухтара Ауэзова, то еще раз убеждаешься в нерушимости татаро-казахских культурных связей. Книги на казахском языке, изданные татарскими издателями Казани, Оренбурга, Уфы, рядом с ними – тома Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Мусы Джалиля, а также книги Кави Наджми, Ибрагима Гази, Хатиба Госмана с дарственными надписями великому писателю... А с большого портрета, висящего на стене музея, улыбается сам Мухтар Ауэзов. Его в 1941 году написал известный татарский художник Баки Урманче.

Я бы хотел упомянуть здесь и о той большой роли, которую сыграл Мухтар-ага в судьбе нашего земляка, известного композитора, одного из авторов первого гимна Республики Казахстан Латифа Хамиди. Именно он пригласил Хамиди, окончившего в Москве студию татарской музыки, на работу в Алматы и впоследствии постоянно поддерживал его в творческом плане. Из воспоминаний Чингиза Айтматова известно, что Мухтар Ауэзов всегда интересовался кыргызской литературой новейшего периода и старался быть опорой для молодого поколения кыргызских писателей, выходящих на всесоюзную арену. Особенно высоко он ценил произведения самого Айтматова и сыграл важную роль на начальном этапе его творчества. В советский период не было возможности во весь голос декларировать единство тюркских народов, однако Мухтар Ауэзов по мере сил всегда ратовал за взаимное братство и сотрудничество. Свидетельство тому – и его деятельность периода самопровозглашенного государственного образования «Алаш-Орда». В своих воспоминаниях Заки Валиди, например, говорит о том, что для обсуждения вопросов сотрудничества он в 1918 году со своими соратниками прибыл в город Стерлитамак. Мы уже знаем, что в тот период борьба тюркских народов за независимость закончилась

трагически. Однако, даже приняв во внимание многочисленность и коварство врага, надо признать, что одной из главных причин такого трагического исхода стала разобщенность тюркских народов и крайняя незрелость общетюркского самосознания.

Не секрет, что и сейчас много тех, кто всеми силами борется против нашего единства, и они весьма коварны. Ведь, если бы произошло единение тюрков, то на пространстве разрушенной империи предстала бы реально большая сила. Поэтому, если мы хотим гордо нести свое имя, то нам бы следовало брать пример с таких вождей (юлбашчылар), как Мухтар Ауэзов, и стремиться к единению, какие бы преграды ни стояли на нашем пути.

Вполне предсказуемо, что Мурат Ауэзов, выросший в таком окружении, сформировался как личность, представляющая интерес в масштабах всего тюркского мира. Если окинуть взором все его творчество, то приходишь к неизбежной мысли: в нынешних условиях глобализации тюркские народы могут сохранить самостоятельность только через объединение. И это объединение в его представлении не сводится лишь к культурным взаимосвязям. По его мнению, тюркские государства Центральной Азии прежде всего должны объединиться в единое государство (предположим, в конфедерацию). Только тогда в условиях глобализации у тюркских народов будет свое место в современной геополитике и суверенитет в полном смысле этого слова. Если посмотреть на сегодняшнее состояние мира, то этот вывод очевиден. 21-й век готовит тюркским народам большие испытания. И для того, чтобы пройти их, нужны такие национальные духовные подвижники, как Мурат Ауэзов.

Говоря о «национальном» и о «нации – миллет», я имею в виду союз всех тюркских народов. Тюркскому народу, расселявшемуся на протяжении многих веков на обширных территориях, создавшему множество государств, принявшему на себя, в результате взаимодействия со многими чужими по крови народами, разные обличия, сегодня, наконец, пришло время вспомнить о заветаниях Бильге-кагана, Кюльтегина и великого тюрка всех времен Тоньюкука (Төнөкөг). Ведь они с вечных каменных стел все еще призывают нас к единению.

Что бы ни было в прошлом – жили ли мы сотни лет в окружении дремучих лесов или среди гор и скал – наша родина «Ана Ватан» – это Великая степь. Поэтому я хочу завершить четверостишием, послужившим эпиграфом к роману Галимджана Ибрагимова «Казакъ кызы» (в советское время, даже после осуждения сталинских репрессий, этот эпиграф изымали из публикаций, поскольку убитый чекистами автор все еще оставался в опале). Это отрывок из стихотворения великого Магжана!

*Кең дала, күрсәң гуй, ана жаткан,
Жебектәй жәсәл чүптә битен жапкан,
Аскар тау, балдай татлы сулары бар,
Ана шул анам иде мине тапкан...*

ЧЕРНАЯ ЛАСТОЧКА

В конце прошлого века по приглашению Фонда изучения тюркского мира около полутора месяцев я жил в Стамбуле. В здании древнего Аксарайского медресе собралось немало представителей тюркских народов. Особенно тесно сдружились мы с казахским литератором Батырханом Дарембетом. Однажды он поведал мне трагическую историю о любви молодого казахского поэта Биринияза Кулиева к татарской девушке, которая принадлежала к одной из родовитых семей Казани. Поэт пришел к ним домой просить ее руки. Однако род-

ственники девушки отказали казахскому юноше. Оскорбленный поэт решился на отчаянный шаг и во время тайного свидания, оказавшегося последним, в своем доме застрелил девушку и себя...

Вот такая трагическая любовь... Это событие, надо полагать, в свое время взбудоражило всю Казань. Но вернувшись на родину, сколько я ни пытался узнать о том, кто же стал жертвой той несчастной любви (ведь Батырхан говорил, что она из «прославленной» семьи!), так ничего и не узнал. Впрочем, оно и немудрено, что не нашлось тех, кто мог бы рассказать об этой печальной истории любви, случившейся к тому же в двадцать пятом году прошлого века. С тех пор столько бурь и трагедий пронеслось над головой моих соотечественников. Во всяком случае, у меня не было иного выхода, как утешать себя подобной логикой рассуждений.

Видимо, тогда я не проявил должной настойчивости в расспросах. Наконец, листая книгу Дильбар Саиновой-Ахмеровой «Салих Сайдашев» (Казань, Таткнигоиздат, 2001), я вдруг наткнулся на строчки, где говорилось о судьбе той несчастной девушки. Зайнаб (так ее звали) оказалась родной сестренкой Шигаба Ахмерова – выдающейся личности, оставившей неизгладимый след в истории татарской культуры!

Шигаб Ахмеров более всего известен как основатель журнала «Мектеб» – первого татарского научного издания по педагогике. Первый номер этого журнала, увидевший свет в 1913 году, открывался стихами Габдуллы Тукая. И неспроста, потому что Шигаб был близким другом Тукая. Оба приехали в Казань в один и тот же год, к тому же в гостинице «Булгар» поселились в соседних номерах. Об их дружеских взаимоотношениях, продлившихся пять лет, позднее Ш. Ахмеров оставил глубокие и содержательные воспоминания. Именно благодаря тому, что он пригласил фотографа, мы имеем последний прижизненный снимок Тукая.

Этот деятельный человек, навсегда связавший свою жизнь с судьбой народа, родился в селе Новый Задур нынешнего Дрожжановского района. Учился в знаменитом Буинском медресе. По окончании медресе молодой человек приехал в Казань и сразу же с огромным энтузиазмом окунулся в мир периодической печати, написал множество статей в разные газеты и журналы. Одно время, будучи корреспондентом газеты «Дума», издаваемой группой депутатов Государственной Думы, он жил в Петербурге.

В 1912 году Шигаб Ахмеров женился на дочери вдовы Махубджамал Сайдашевой – Амине. Свадьба получилась веселой. К дому невесты жених прикатил на шикарном фаэтоне. Среди друзей жениха был, естественно, и Габдулла Тукай. После свадьбы Шигаб Ахмеров из гостиницы «Булгар» переехал в дом Сайдашевых.

Шигаб и Амина отличались редкой любовью к родне и почитанием родственников уз. Возможно, в те времена было вполне естественно, если родственники жили вместе под одной крышей как одна большая семья. Это сейчас мы от случая к случаю интересуемся житьем-бытьем своих близких родственников, да и то в основном по телефону. В начале прошлого века не только отдельные семьи, но и вся нация была на редкость сплоченной и единой, а татарская интеллигенция, живущая в разных регионах, была тесно переплетена между собой кровнородственными узами...

В доме Махубджамал абыстай жили втроем: сама вдова, дочь Амина и младший сын Салих. А потом в их семью Шигаб привез из деревни свою мать – Зулейху апа, братишку Хайруллу и сестренку Зайнаб.

Пожалуй, уместно напомнить тот факт, что именно Шигаб Ахмеров первым обратил внимание на музыкальные способности маленького Салиха и

направил его по верному руслу. «Чтобы всерьез обучать его музыке и нотной грамоте, я пригласил домой весьма известного в те годы пианиста, автора популярного “Марша Тукая” Загидуллу Яруллина. Будучи удивительно тонким и чутким музыкантом, Загидулла-ага сразу же заметил выдающийся талант Салиха. Они быстро подружились, и с того дня Салих начал брать уроки музыки», – написал он в своих воспоминаниях.

Таким образом, на дорогу, где его ожидала всенародная любовь, маленького Сайдаша вывел именно Шигаб Ахмеров.

Свою сестренку Зайнаб он определил учиться в женскую гимназию. Учеба простой деревенской девушки в гимназии по тем временам была неслыханным делом! В советской литературе много чего написано о тяжелой доле, о поголовной неграмотности татарских девушек до октябрьского мятежа. Якобы они умели только читать, даже если брали уроки религии у жены муллы – абыстай, но письму их не обучали (дескать, не дай Бог, начнут переписываться с парнями!). Но если Зайнаб после приезда из деревни смогла поступить в гимназию, то не следует ли справедливости ради полагать, что она уже обладала достаточными знаниями и навыками?

Будучи примерно одного возраста, Зайнаб с Салихом росли вместе, питая друг к другу теплые дружеские чувства. В том, что они воспитывались в сугубо национальном духе, свою роль сыграли и друзья Шигаба Ахмерова. Они почти ежедневно собирались в их доме, постоянно спорили и размышляли о литературе и искусстве, о будущем нации. Известно также, что за домом Ш. Ахмерова был установлен негласный жандармский надзор, а в канцелярию губернатора регулярно поступали тайные сообщения обо всем происходящем в этом доме. Оказалось, что в Государственном архиве Татарстана хранится немало документов подобного содержания. Эти встречи оставили, конечно же, самые прекрасные и незабываемые впечатления в душе юных Салиха и Зайнаб. Вслед за героем романа «Жизнь и судьба» великого русского писателя В. Гроссмана мы могли бы повторить, что татарские интеллигенты до Октябрьского переворота, в отличие от сегодняшних, были истинными, самоотверженными и благородными! Впрочем, нас уже трудно назвать интеллигентами в полном смысле слова, мы – всего лишь ущербные остатки советской интеллигенции...

Октябрьский переворот не внес существенных перемен в жизнь семьи Ахмеровых. Правда, в 1919 году Салиха Сайдашева призвали в ряды Красной Армии, однако он не расстался с музыкой, а стал руководителем оркестра струнных инструментов драматической труппы при политотделе. По его возвращении в 1922 году из Оренбурга в Казань семья Шигаба Ахмерова уже жила в двухэтажном доме на улице Второй Горы (ныне – улица Волкова). В семье народу еще больше прибавилось: у Ахмеровых, помимо старшего сына Узбека, появились дочь Гульнара и второй сын Джанибек. А Зайнаб училась на медицинском факультете Казанского государственного университета. К тому времени она стала самой прекрасной и самой благородной молодой особой Казани. Что странного в том, если к такой девушке начали проявлять интерес многие видные юноши города? Некоторые из них не осмеливались даже подойти к ней, а кое-кто все же успел оказаться в поле ее зрения и завоевать внимание. Изредка этот юноша появлялся и в доме Ахмеровых. При этом держался с достоинством, но несколько высокомерно, как бы зная себе цену. Он работал представителем Казахского правительства при Центральном Исполнительном Комитете Татарстана и был довольно признанным поэтом у себя на родине. Это и есть тот самый Бирнияз Кулеев (1899 г. р.), о трагической истории которого в Турции мне рассказывал Батырхан.

Тогда никто не догадывался, какая беда подстерегает семью Ахмеровых. Движимые жаждой новой жизни, всеми помыслами они были устремлены в будущее. Глава семьи работал в книжном издательстве, выполнял ответственные обязанности в правлении Общества взаимного кредитования. Необходимо вспомнить еще об одной его важной заслуге: он стал одним из организаторов массового переселения сельских жителей из отдаленных татарских деревень на пустовавшие плодородные земли правобережья Волги. Известно, что после завоевания русскими татары были изгнаны с прибрежной полосы. В двадцатых годах двадцатого века группа национальных деятелей взялась за восстановление исторической справедливости, в результате чего на берегу Волги были основаны села Бахчисарай, Кзыл Байрак, Берек, Яшельча, Мулланур и Шура. Спустя несколько лет, когда арестовывали Ш. Ахмерова, чекисты припомнили ему и это. Через дом от Ахмеровых жила семья Мухиных, переехавшая в Казань из Костромы. Их дочь Валентина вместе с Зайнаб училась в университете, часто бывала у подруги дома, они вместе готовили уроки, играли на пианино. Вдобавок, Валентина учила сына Ш. Ахмерова Узбека русскому языку. Было бы странно не заглядеться на эту русскую красавицу, столь часто бывавшую в их доме! Особенно если это взгляд тонко улавливающего любые флюиды творца музыки, замороженного пленительной красотой... Салих Сайдашев по уши влюбился в соседскую девчонку. Разумеется, он вынужден скрывать свои чувства от родных... Упаси Бог, если мать узнает, что он полюбил неверную, то есть не мусульманку. А девушка продолжала бывать у них и по поводу, и без всякого повода, постоянно на его глазах. Об их любви первой догадалась Зайнаб, и она одна понимала их чувства. Потому что в ее сердце тоже бушевало пламя любви! Кружащие голову весенние вечера, когда они бывали вместе, стихи, произносимые шепотом, – все это казалось обещанием будущего счастья, тихих семейных радостей... Вот они вместе с Бирниязом снялись на фотокарточку. Зайнаб в длинном платье, пышные волнистые волосы, счастливые глаза, прямой нос и пухлые губы. Худощавый Бирнияз в полувоенной одежде, лицо озарено каким-то детским превосходством... На снимке не видно пристегнутого к ремню нагана. Хотя оружие он всегда носил с собой. Это считалось вполне естественным в «революционное» время. О Всевышний, не влагай оружие в руки своих неразумных, не окрепших духом детей. На обороте фотографии Бирнияз написал стихи, посвященные Зайнаб. Они наивны, но очень искренние. Однако в них сквозит предощущение тревоги. Бирнияз называет свою возлюбленную «душа моя» – джаным!.. Несколько строк звучат пугающе пророческими:

*С земли умчался бы, забрав тебя, я в небеса,
как ангел, увы, но я всего лишь человек.*

*Пока жива «душа моя», разве смертен я?
«Души» не станет, померкнет белый свет,
Плача и рыдая, умру и я навек.*

Стихи подписаны: Бирнияз, Казань, 10/1 – 23 г. – 11 ч. ночи.

Знают ли о существовании этого стихотворения знатоки казахской литературы?

Сколько мужчин и женщин в этом мире прожили счастливо под сенью безмятежной любви! Но нам о них неведомо. Поэты не посвящают им бессмертные творения. Все известные нам истории любви оканчиваются трагически. Фархад – Ширин, Лейла – Меджнун, Ромео – Джульетта, Халиль – Галиябану...

В этом ряду и Зайнаб с Бирниязом... Неужели божественная суть и величие любви раскрываются только тогда, когда влюбленных приносят в жертву к ее алтарю? Или любовь сродни сказочному дракону, который все время требует новых жертв?..

В книге Дильбар-ханум Саиновой-Ахмеровой я нашел всего лишь несколько строк о трагической гибели Зайнаб. Но, возможно, некоторые сведения не вошли в книгу?

Узбек-ага и Дильбар-ханум, как оказалось, живут в самом центре Казани, в одном из старинных домов. Фасад дома украшают мемориальные доски, установленные в честь Ш. Ахмерова и С. Сайдашева. Встреча с такими домами всегда навеивает странную историческую ностальгию. Центр Казани стремительно меняется, старый город на глазах разрушается. Оказывается, и этот дом подлежит сносу. Если и дальше продолжать в том же духе, то скоро наш город ничем не будет отличаться от соседних Йошкар-Олы или Чебоксар. Как знать, может, среди груды железобетона проще и легче предать забвению и саму историю...

Профессора Узбека Ахмерова я и раньше знал и видел, но лично мы не были знакомы. Хотя ему уже за девяносто, он по-юношески подвижен, да и память отменная. Его супруга Дильбар-ханум долгие годы преподавала в университете английский язык, а все свободное время она посвятила изучению жизни и творчества Салиха Сайдаша.

Когда я пришел к ним, Узбек-ага о чем-то беседовал со своим братом Джанибеком. Слушать их великолепную, чисто литературную речь одно удовольствие, оказалось, что по мере возможности они следят за современной периодической печатью.

Без сомнения, Шигаб-эфенди назвал своих сыновей в честь татарских ханов Золотой Орды... Схожие черты, кажется, я обнаружил даже в их внешнем облике. Слегка сощуренные узкие глаза, аккуратная худощавая фигура, готовая легко взлететь на быстроногого скакуна, ловкие движения и жесты. Во всяком случае, мне так показалось, – да разве же мы из тех, кто видел живого хана...

Не спеша, словно в музей, я вошел в комнату. Она и в самом деле напоминала музейную экспозицию: по стенам развешаны старинные фотографии, антикварная мебель. На мгновение почудилось, что мимо меня промелькнули легкие и невесомые тени незабвенных и дорогих сердцу древних хранителей устоев, некогда живших в этом доме. Есть еще, оказывается, в Казани квартиры, пропитанные духом старины. Но боюсь, что вряд ли еще раз когда-нибудь попаду в такую интеллигентную среду, сохранившую живое тепло и нестертые следы былых времен...

«Когда Бирнияз пришел просить руки Зайнаб-апа, наш отец отказал ему, – рассказывает Дильбар-ханум. – Хоть он в глаза парню и не сказал об этом, но, наверное, дал понять, что не отпустит сестру куда-то в степь, к казахам. В Зайнаб был влюблен татарский юноша по имени Сабир, возможно, отец прочил его в мужья своей сестре...» Бирнияз покинул дом Шигаба Ахмерова, чувствуя себя глубоко уязвленным. Да и как же не оскорбиться, если отказали ему – полномочному представителю казахского правительства, поэту, приравняв его к степному погонщику стада, к пастуху.

В те годы существовало своеобразное поветрие, когда юноши из высшего сословия казахов, узбеков, киргизов старались заполучить в жены татарскую девушку. А выдающиеся казахские национальные лидеры А. Букейхан, А. Байтурсунылы, М. Чокай даже связали свою судьбу с русскими женами, видимо, полагая, что настоящая культура находится на западе, хотя и были настоящими патриотами своей нации. Неисповедимы пути господни...

Тогда в доме Ш. Ахмерова проживали еще девушки – дети деревенской родни, прибывшие в город учиться. Как-то Зайнаб с одной из этих девушек по имени Сагадат собралась пойти на благотворительный вечер в «Восточный клуб». Свои воспоминания о том вечере Сагадат-ханум, жившая в Узбекистане, позднее, в конце жизни, изложила в письме, присланном семье Ахмеровых. Перед вечером Зайнаб очень нервничала и торопила Сагадат, которая долго собиралась. У татар есть даже такое выражение: «торопиться навстречу смерти»...

В «Восточном клубе» Сагадат потеряла из виду Зайнаб... Видимо, для Зайнаб вечер в клубе был лишь поводом для того, чтобы встретиться с Бирниязом. К чему такая конспирация? Вероятно, брат категорически запретил ей встречаться с Бирниязом. И вот Зайнаб, наверное, желая навсегда разорвать отношения со своим возлюбленным, пошла на последнее тайное свидание. Конечно же, она и предположить не могла, что эта встреча окажется действительно последней.

Судя по рассказам современников, Шигаб Ахмеров был суровым и требовательным главой семьи. «Все члены семьи беспрекословно подчинялись ему, – делится воспоминаниями о своем отце Узбек-ага. – Салих абый тоже побаивался его суровости и последовательности...»

Как бы ни любила Зайнаб казахского юношу, но переступить запрет своего брата не посмела. О чем же говорили в тот последний вечер двое влюбленных? Об этом можно только догадываться. Бирнияз, наверное, уговаривал ее остаться вместе, умолял, угрожал. Зайнаб же, предельно взволнованная прощанием и разлукой с любимым, мучительными словами, разрывающими душу, пыталась объяснить ему невозможность их счастья. Простившись навсегда, она, вероятно, шагнула к двери. Ее тело обнаружили лежащим на пороге. Вторую пулю Бирнияз адресовал себе. Может, надеялся на встречу с любимой на том свете...

Эта трагедия потрясла всю Казань. В таких случаях народ слагает песни или байты. Спустя некоторое время в городе появилась песня «Мелодия нагана». Запомнившиеся две строчки этой песни Узбек-ага даже напел мне:

*Не стреляй, наган,
Сердце боится звука стрельбы...*

Вскоре эта песня распространилась по всему татарскому миру. А потом она снова вернулась в Казань, преображенная, как гимн настоящей любви:

*Черная ласточка ли,
Желтый соловей ли
Взрастившая тебя мать?*

Джаудат Файзи в своей книге «Народные жемчужины» упоминает о том, что впервые песню под названием «Мелодия нагана» он услышал в 1925 году, и в ней были такие слова: «Не стреляй, любимый, из нагана, сердце огнем горит от звука его».

Великий казахский поэт Магжан на смерть своего друга и ученика посвятил такие строки:

*Я жалею о судьбе поспешной.
В мире многое сближало нас.
Ты – поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты – и погас.
«Бирниязу» (перевод А. Парщикова)*

После пережитой тяжелой утраты Ахмеровы не стали препятствовать соединению Салиха и Валентины. Шигаб Ахмеров дал себе слово более никогда не вмешиваться в судьбу своих близких.

Но эту семью преследовал какой-то необъяснимый рок. Счастье Салиха и Валентины оказалось недолгим. Вскоре после рождения ребенка Валентина скончалась от заболевания крови...

Как пережил Салих эти две тяжелейшие утраты, последовавшие друг за другом, мы можем судить только по его музыке...

Спустя четыре месяца после смерти Валентины, в начале 1927 года, ушел из жизни близкий друг Сайдаша, признанный артист Нури Сакаев. С этой смертью будто что-то прорвалось в душе Сайдаша. Траурный марш, названный «Марш Сакая», он написал в течение часа, присев на ступеньки театра. Видно, эти скорбные мелодии уже давно бродили в душе, и вот разом хлынули чувства... Звучит и звучит эта музыка, как жалобный стон души двух влюбленных, как песнь о вечной разлуке и прощании, разнося по жилам горечь утраты, звучит и звучит эта мелодия, и, как будто навеяная тень воспоминаний о тех далеких годах, на небесах машет крыльями черная ласточка.

ДОЧЬ ИШАНА

Культурные связи татар с тюркскими народами, прежде входившими в состав СССР, за последнее десятилетие заметно ослабли. Между тем, в начале прошлого века влияние татарской культуры, и в частности многих ее видных деятелей, было довольно сильным. Говорят, что и сегодня в Средней Азии проживает более миллиона татар... Однако сегодня они играют там совершенно иную роль в общественной жизни. Народы братских республик, ныне ставших самостоятельными государствами, теперь смотрят на нас, татар, как на политически «несовершеннолетних», что ли...

Наиболее тесными были взаимосвязи татар с казахами. Любопытно, что в 1910-х годах в татарской печати всерьез дискутировался вопрос: «Может ли казахская литература самостоятельно существовать?» То есть подразумевалось развитие казахской литературы как отдельной ветви татарской литературы. Башкирскую литературу и не обсуждали даже.

В татарских медресе, особенно в уфимском медресе «Галия», обучались сотни представителей казахской молодежи. В их числе был и Магжан Жумабай, позднее снискавший громкую славу на ниве казахской поэзии. Кстати, его первый сборник стихов «Чулпан» вышел в свет при содействии Галимджана Ибрагимова в 1918 году в Казани, в издательстве Каримовых.

Увы, судьба самого Магжана оказалась трагической, его постигла та же участь, что и большинство представителей национальной интеллигенции: в 1929 году по обвинению в национализме он был арестован, затем в течение десятилетия скитался по тюрьмам и ссылкам, а в 1938 году его расстреляли.

Не устаешь поражаться тому, насколько первозданное и чисто тюркское звучание запечатлелось в его поэтическом языке. Его стихам даже не требуется перевод на татарский, ибо это – язык Тукая, Дәрәмәнды и Бабыча. Недаром Магжан, говорят, своим главным учителем в поэзии считал Дәрәмәнды.

В 1920–1922 годах поэт работал директором Кызылъярского педагогического училища. В это же время там преподавала и татарская девушка по имени Гульсум Камалова.

Ну как мог не влюбиться интеллигентный казахский юноша в татарскую красавицу? Как я уже говорил, в те годы женитьба на татарской девушке негласно считалась как бы признаком интеллигентности... Гордимся же мы сегодня тем, что мать такого выдающегося писателя, как Айтматов, была татаркой...

Впрочем, сам великий Магжан питал к Гульсум, наверное, самые нежные, искренние и сердечные чувства. Иначе не родились бы стихи, полные звенящих от любви и нежности строк:

*Черноглазая, сладкоголосая Гульсум-ханум,
Где бы ни застал нас юной жизни рассвет,
Когда я встречаюсь с вами взглядом,
Отчего в душе разливается радости свет?!*

*Черноглазая, сладкоголосая ханум Гульсум,
Не солнце на небе, а пусть на земле смеется Гульсум!
Гульсум – будто солнце, по небу плавно парит,
Откуда же ей знать,
Что мое сердце от пылкой любви к ней горит!*

Поэт величает свою возлюбленную «ханум», значит, к тому времени Гульсум была уже замужем. Действительно, ее мужем был Абдулла Акчурин, представитель известного клана тогдашних татарских «олигархов» Акчуриных из Симбирска (современный Ульяновск). Возможно, поэтому в стихах Магжана, посвященных ей, сквозит нота печали и безысходности. Однако в них довольно весомое место занимают и откровенно эротические картины. Были, скажем, такие строки: «Любимая! Душа моя! Пусть скорей коснется моя грудь твоих грудей, / Закрыв глаза и часто задышав...» Были эти строки лишь плодом воображения Магжана, или прекрасная Гульсум действительно отвечала взаимностью любви поэта, теперь мы можем лишь предполагать. Достоверно известно одно – вскоре Гульсум со своим мужем навсегда уехали в родные края.

*Сегодня узнал, что покинешь меня,
Серебристые воды Агидели ждут тебя.
Черноглазая моя, лучше убей меня! –
Зачем живого оставляешь ты меня? –*

страдальчески вопрошает поэт, обращаясь к возлюбленной.

Между тем, сама Гульсум Камалова принадлежит к числу тех немногих женщин, которые оставили заметный след в жизни татарского общества начала XX века. Как мы знаем, в 1912 году на Балканах разгорелась война против Турции. В российской печати по этому поводу сразу же возник нездоровый шовинистический ажиотаж. Якобы нужно помочь братьям сербам, болгарам, черногорцам в борьбе против «турецкого ига»! Кстати, эта шумиха была поддержана и, более того, вдохновлялась царским правительством. Вследствие этого сотни представителей русской молодежи отправились на Балканы, чтобы воевать против турков.

Гульсум в это время училась в Петербурге на знаменитых Бестужевских курсах, где в основном обучались девушки из семей русской аристократии. Тогда большинство курсисток отправилось в Болгарию в качестве сестер милосердия.

А Гульсум собрала своих близких подруг и обратилась к ним с предложением поехать в Турцию, в распоряжение общества «Хилал ахмар» («Красного полумесяца»), чтобы лечить раненых турецких военных. Те согласились. Как видим, в те времена даже молодежь, обучающаяся в русских школах, получала в семье и начальных классах медресе основательное национальное воспитание. А потому оголтелая черносотенная пропаганда, развернутая в русской

печати, подвигла их на рискованный, но решительный шаг в противоположном направлении. Таким образом, Гульсум Камалова, Марьям Паташева, Рокция Юнусова, Марьям Якупова выехали в Стамбул.

Однако, кто же такая на самом деле Гульсум Камалова? Откуда родом, из каких краев? Ведь тогда не всякий, а тем более среди татар, мог позволить себе обучать свою дочь в столице России Петербурге. Секрет прост: Гульсум была младшей дочерью известного чистопольского ишана (руководителя суфийского ордена) Закира Камалова.

Матери Гульсум Фатиме, когда она выходила замуж за ишана в качестве второй жены, едва исполнилось четырнадцать лет. Молодая жена, тем не менее, окрепнув, подарила ишану восемь дочерей и одного сына. Заметим, что Фатима абыстай была родной сестрой дедушке по материнской линии известного татарского писателя Атиллы Расиха. А дочерью его дедушки, то бишь матерью писателя, была та самая Зайтуна Маулетова – тайная любовь Тукая... Такая вот запутанная история.

В те времена существовали свои правила и порядки в сватании и выдаче дочерей замуж. Процветало кумовство внутри отдельных кланов, когда дети муллы вступали в брак только между собой, а отпрыски богачей могли породниться только с состоятельными женихами и невестами. Впрочем, этот давний обычай возрождается ныне на новый лад: газеты то и дело сообщают, что между собой породнились семьи министра и спикера, банкира и «главы»...

Говорят, капитал перевешивает любовь.

Хотя, вопреки бытующему мнению, Закир ишан с первого взгляда влюбился в бедную сироту Фатиму и посватался к ней. Правда, девушка происходила из просвещенного и благородного рода.

Дочери ишана друг за другом выходили замуж за весьма видных и богатых женихов. На Асме женился петербургский мулла и реформатор-богослов Муса Бигиев, который в советское время эмигрировал, его могила сейчас в Каире, среди усыпальниц египетских правителей. Курсистка Гульсум частенько бывала у них с подругами в гостях. Вот в конце апреля 1912 года из Уфы в Петербург к Бигиевым приехал поэт Габдулла Тукай. Узнав об этом, Гульсум с подругами, конечно, сразу же прибежали к сестре. Однако поэт, в силу странностей своего характера, не смог должным образом оценить красоту девушек-курсисток. Прикинувшись больным, он не захотел их принять. «Вы же знаете, что такое женское общество, в частности, насколько взыскательны и придирчивы бывают эти европеизированные дамочки, обучающиеся не где-нибудь, а в столичной высшей школе», – так он объяснял в кругу друзей эту свою нелепую и «дикую», по их мнению, выходку.

Как мы успели заметить, казахский поэт не страдал подобными комплексами.

В ноябрьские дни 1912 года известный писатель Фатих Карими, прибывший из Оренбурга с целью запечатлеть на страницах своей газеты «Вақыт» («Время») военные события на Балканах, повел курсисток к знаменитому татаро-турецкому общественному деятелю, основателю журнала «Тюрк йорду» Юсуфу Акчуре (тоже из того клана Акчуриных). К слову, Ф. Карими, говоря современным языком, был военным журналистом.

Юсуф Аккура – один из руководителей партии «младотурков», познакомил девушек со знаменитым Анвар-пашой. Вместе они сфотографировались на память. А спустя четыре недели «младотурки» пришли к власти, и Анвар-паша, став главой государства, начал править Турцией. Имя этого турецкого правителя в те годы было у всех на устах и столь популярным в народе, что послужило причиной широкого распространения этого имени среди татар.

Татарские девушки не были обычными сестрами милосердия. Вскоре Гульсум Камалова выступила с инициативой благотворительного сбора от женщин в Турецкий страховой фонд.

В назначенный день в университете собрались видные общественные деятельницы, знатные и богатые женщины Стамбула. Они сдавали в фонд свои украшения: кольца, серьги, браслеты и другие драгоценные ювелирные изделия. Собрание открыла жена премьер-министра Турции. Наряду с известными писательницами Фатимой Галией-ханум, Халидой Адип здесь выступила и Гульсум Камалова. Пламенные слова ее обращения опубликовали почти все турецкие газеты.

Гульсум, видимо, была прирожденным лидером. Вот как описывает ее писатель А. Расих: «Гульсум апа рослая, человек с сильной, незаурядной натурой, была весьма привлекательной женщиной. Продолговатое лицо, большие черные глаза с поволокой, низкий, грудной голос» («Внук ишана», Таткнигоиздат, 199 стр. – на тат. яз.).

Вторая Балканская война вновь закончилась поражением Турции. Татарские сестры милосердия вернулись на родину. Разумеется, царская охранка прекрасно была осведомлена, где и с какой целью они находились. Путь в высшие учебные заведения для них был закрыт.

Гульсум пригласила в гости к себе в Симбирск старшую сестру Шамсенису, состоявшую в браке с одним из отпрысков миллионеров Акчуриных. В честь отважной мусульманской патриотки Акчурины устроили большой прием.

Увидев эту красивую, умную и образованную девушку, нельзя было в нее не влюбиться... Молодой Абдулла Акчурин попросил ее руки.

Прежде роль негласной свахи для своего деверя брали на себя опытные снохи. В данном случае, наверное, тоже не обошлось без участия Шамсенисы...

Вихри революции разметали богатое родовое гнездо Акчуриных. Вероятно, и Гульсум с мужем, спасаясь от большевиков, очутились в Казахстане. Тогда вся Центральная Азия была наводнена такими скитальцами, как они.

В годы советской власти и Гульсум, и ее подруги, с которыми она работала в Турции, сторонились чужих глаз и старались держаться в тени. Марьям Якуповой, например, так и не удалось создать свою семью, и ее жизнь трагически завершилась в одном из кишлаков недалеко от Термеза...

Перипетии жизни этих девушек могли бы послужить сюжетом увлекательного романа. Говоря о дореволюционной жизни татарских женщин, на ум приходит лишь роман Г. Ибрагимова «Татарка». Расхожее заблуждение, укorenившееся в обществе под влиянием этого произведения, бытует и поныне: якобы женщины той эпохи были глубоко несчастны и бесправны, а мужья-злодеи всячески притесняли и унижали их. По-моему, это ошибочное представление о положении женщины в татарском обществе сыграло свою роковую роль в том, что многие татарские девушки спутника жизни выбирали из представителей других наций.

В связи с этим я вспомнил исторический разговор великого поэта и золотопромышленника-мецената Дәрдемнда с писателем Шарифом Камалом. «Хорошие рассказы ты пишешь, Шариф, – говорит ему поэт. – Только вот все они о темной, мрачной жизни. Ведь татары состоят не из одних только простолюдинов и бедняков». – «А я пишу о том, что видел сам, – отвечает молодой писатель. – Ничего другого я не знаю».

Разве и мы, современные литераторы, не грешим этим недостатком, добывая пищу для размышлений у себя под носом? Между тем, жизнь татарского общества не укладывается в тесное и узкое ложе, уготованное ей нашим личным опытом и познаниями, она беспредельно широка и чрезвычайно богата.